

УДК 159.98
ББК 84.5

Бібліографічний опис:

Савинов В. В. Уличный плейбек-театр в политически окрашенных условиях: анализ экспериментальных перформансов / Савинов Владимир // Простір арт-терапії: ресурси зцілення : матер. XI міжнар. міждисциплін. наук.-практ. конф. (м. Київ, 3–4 квітня 2014 р.) / за наук. ред. А. П. Чуприкова, Л. А. Найдюнової, О. А. Бреусенка-Кузнецова, О. Л. Вознесенської, О. М. Скарн. – К. : Золоті ворота, 2014. – 198 с. – С. 87–91.

**УЛИЧНЫЙ ПЛЕЙБЕК-ТЕАТР В ПОЛИТИЧЕСКИ
ОКРАШЕННЫХ УСЛОВИЯХ: АНАЛИЗ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПЕРФОРМАНСОВ**

Савинов Владимир,

младший научный сотрудник

*Института социальной и политической психологии НАПН Украины,
гештальт-психотерапевт УСП, социально-психологический тренер,
основатель и руководитель Киевского плейбек-театра «Déjà vu plus»,
Украинской школы плейбек-театра и Отделения плейбек-театра
ВОО «Арт-терапевтическая ассоциация» (Киев)*

Плейбек-театр, будучи оригинальной формой театра импровизации, как нами было показано, может выступать и *средством арт-терапии* [см.: 1, с. 90]. И как театр, и особенно как арт-терапевтическое средство, он очень чувствителен к окружающей среде, *требует специального приспособления, соблюдения многих необходимых условий*. Как говорит его основатель Дж. Фокс, «...мы должны удостовериться, что атмосфера того места, где мы собираемся выступать, нам подходит» [3, с. 7]. Часто предлагаемые для выступления условия на первый взгляд не соответствуют формату классического плейбек-театра. **Проблема** соотношения разных условий с плейбек-действием при сохранении основных принципов плейбек-театра практически всегда становится актуальной при освоении новых, уникальных пространств. Это

и было главным источником наших сомнений, когда мы решались выступать на Евромайдане в Киеве – в эпицентре революционных событий.

Казалась бы, плейбек-театр на широком пространстве улицы те-ряет самого себя: недостаточная концентрация ни для интервью, ни для игры; нестабильный состав аудитории, когда можно легко отойти в любой момент; зависимость от погодных условий; повышенные техниче-ские требования к выразительности актера и др., что заставляет делать специфические трансформации в плейбек-ритуале. Жестко ре-гламентированный по времени формат («блиц») также вносит свои известные коррективы. Но если первые два фактора нам хорошо зна-комы, то *политическая окраска* оказывается вводной, требующей экс-промта в достаточно неожиданных направлениях. И все же плейбек-театр может, на мой взгляд, оставаться собой даже в таких условиях.

Исходя из первого опыта наших выступлений на Евромайдане 6 января и 9 февраля 2014 г., хочу поделиться некоторыми своими раз-мышлениями и впечатлениями. Итак, блиц, улица, политическая окраска – по порядку.

Жесткая регламентация по времени – особенно то, что пред-ставление нужно *завершить* «минута в минуту», поскольку идет телеви-зионная трансляция, заставляет сокращать традиционную структуру пер-форманса, но и помогает не затягивать миниатюры, находить наиболее важное сразу. Сложнее обычного было прерывать рассказчиков, но не от цейтнота, а от сильного, не «технического» сопереживания, и от неудоб-ства останавливать лозунги, подхватываемые публикой. Т. е. в интервью прерывать рассказчиков вряд ли приходилось больше, чем обычно, разве что последнего, индивидуальную историю которого вообще не удалось сыграть – его чувства включили в общую миниатюру формы «табло».

Улицу мы встретили следующими *трансформациями ритуала*. Слушали и играли стоя, стулья в таком большом пространстве были неуместными (как и в маленьком, где они иногда просто не помеща-ются) – мы стояли, как, собственно, и наши зрители, лицом к лицу с ними. Центральная сцена слишком высока и дистанцирована, поэто-му мы играли перед ней, чтобы быть ближе к аудитории и *на равных* – иначе сложно было бы установить необходимый для плейбек-театра *эмоциональный контакт, доверие*. Использовали радиомикрофон, что позволяло кондактору иногда подходить к зрителям, иногда просить их выходить в ближний ряд полукруга или прямо к нам. В представлении

актеров я повторял в усилитель имя после каждого трека, поскольку общий фоновый шум улицы не позволял достаточно их слышать.

Актерам приходилось делать ставку преимущественно на визуальные средства выражения, пластику. Хотя *слова не всегда можно заменить* пластикой и мимикой, особенно если это меткие лозунги. Даже на улице, в открытом пространстве и без микрофона, слова актера подхватывает аудитория. *Формы игры* я выбирал преимущественно малые, причем более динамичные из них, более емкие, в которых можно сконцентрировать и усилить энергию: «эхо», «хор», «трансформацию». Рольевые истории получались более лаконичными, буквально из трех-четырех эмоционально насыщенных сцен.

Политическая окраска чувствовалась с первого обращения к зрителям. Так, специфика политической позиции видна сразу, но нас больше интересует не она, как очевидность, а *специфика состояния* группы и каждого человека, находящегося в ней. Многие неожиданно для нас были готовы делиться своими переживаниями. Иногда невозможно было остановить сорасказчиков, желающих дополнить похожую историю из своего опыта. Практически каждый говорил не только от себя, а от имени всей аудитории. Поэтому много внимания надо было уделить *общности, схожести чувств* зрителей. Однако не тому, чтобы находить эту схожесть, а чтобы на нее опереться, иногда даже справиться с ней. Причина, на наш взгляд, в том, что все находятся здесь в одних условиях и с одними и теми же целями. Раз *чувства разделяемы каждым*, то люди часто хотят дополнить рассказчика. Если уж очень просят, то почему бы и не попробовать? История общая, значит, можно выслушать двоих – все равно каждая миниатюра получается сразу для всех. Не нужно даже специально искать похожее. При этом люди готовы выходить на авансцену, рассказывать личную историю, как бы автоматически зная, что она общая. И они берут на себя ответственность за эту «общую» историю. Т. о. чувствовался *уже сформированный коллективный субъект*.

Выбирать актеров на роли приходилось частично, а иногда и полностью за рассказчика – в случае его сильного погружения в чувства, тем более, если рассказчиков сразу два (постконтакт тогда – также с обоими). Иногда выбор на роли прямо подсказывали остальные зрители. Примером особенного *единения зрителей с действием*, доверия тому, что происходит, и искреннего участия был случай, когда одна из зрительниц выбежала на сцену, чтобы *реально помочь*

освободить главного героя от троих актеров, которые исполняли роли представителей карающих органов. Казалось, вся аудитория сейчас ринется ему на помощь! Пришлось вмешаться кондактору, пояснить, что это игра. Подобный эффект в рамках одной из миниатюр вызвало исполнение Гимна Украины, которое поддержала публика. Эмоциональная вовлеченность в действие чувствовалось и когда люди с презрением смотрели на актеров, играющих «титушек» и власть, смеялись над актерами, играющими роли Януковича и Путина, плакали во время сцены репрессий, реагировали на знакомые лозунги и т.д.

Во время исполнения рассказчиком песни – мощное, искреннее, красивое – у меня были варианты не играть, выбрать на роли персонажей песни и «малая форма». Остановился на последней, поскольку зачем театрализовать то, что уже аудитория пережила во время такого емкого и точного произведения? Задал вопрос о личных переживаниях – и в «эхо» получилось три «воронки» чувств, а семь актеров сориентировались и усилили последний ряд, встав парами – тоже мгновенный экспромт в рамках известной плейбек-формы.

Темы, заявленные рассказчиками, *были общими* для большинства зрителей, т.е. в данном случае красную нить перформанса можно было предугадать. Майдан представал стремлением к свободе, гордостью, безопасностью, гневом, радостью, уверенностью, патриотизмом, твердостью позиции и другими *сильными* чувствами, эмоциями, состояниями. На этом эмоциональном фоне были истории готовности самопожертвования, борьбы, веры в идеалы Майдана, различные пожелания и призывы ко всем, личные ситуации, которые привели сюда. Нам непросто было удержаться в профессиональной позиции, «зоне приемлемых действий» [2, с. 57] – в рамках плейбека, отражающего с новыми гранями внутренний мир рассказчика, без привнесения собственных точек зрения.

Думается, люди *высказали накопленное и получили психологическую разрядку*. О чем, собственно, один из главных *выводов* наших экспериментальных перформансов: если развивающий (катарсический, арт-терапевтический) эффект для рассказчика происходит на двух этапах – *публичного нарратива и восприятия игры*, то первый этап здесь обретает главенствующую роль. Иными словами, плейбек-театр практически превращается в *расширенный вариант «открытого микрофона» – диалогический и театрализованный...* Т.о., если ранее мы считали, что арт-терапевтический эффект для рассказчика

преимущественно «импрессивный», а для актера – «экспрессивный» [1, с. 91], то опыт выступлений на Майдане во время активных политических событий заставляет задуматься над таким категорическим разделением. Следует острее поставить вопрос об отреагировании чувств рассказчика во время плейбек-интервью. Предполагаем, что для *разной* аудитории и для *разных* рассказчиков *доминировать будет либо импрессивный, либо экспрессивный механизм*. Акцент на последнем, как гипотеза, возникает в случае переполненности чувствами, их силе, продолжительности, отсутствии проговаривания и целенаправленного осознания. Возможно, какую-то роль здесь играет сплоченность группы. Но это вопрос для будущих исследований...

И, конечно, не могу удержаться от благодарности зрителям за открытость, искренность, дружественное принятие! Плейбек-команде – за смелость участия и искреннюю качественную игру! Всем, кто вложил часть своих сил и души!

Литература

1. *Савінов В. В.* Нарис про плейбек-театр як засіб арт-терапії / В. В. Савінов // Простір арт-терапії: досвід становлення : матер. X Ювілейної міжнар. міждисциплінарної наук.-практ. конф. (Київ, 28 лютого – 2 березня 2013 р.) / за наук. ред. А. П. Чуприкова, Л. А. Найдюнової та ін. – К. : Золоті ворота, 2013. – 206 с. – С. 90–92.
2. *Салас Джо.* Играем реальную жизнь в Плейбек-театре / Джо Салас ; пер. с англ. М. Ю. Кривченко. – М. : Когито-Центр, 2009. – 160 с.
3. *Фокс Дж.* Плейбек-театр – психотерапия ли это? / Дж. Фокс // Психодрама и современная психотерапия. – 2012. – № 1-2. – 160 с. – С. 6–21.

© ВГО «Арт-терапевтична асоціація», 2014

© Савінов Володимир Вікторович, 2014